

ПАРТИЙНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ

История современной российской партийной системы не слишком длинна. Ее фактическое начало – старт раскола КПСС в 1988 г. В марте этого года в «Советской России» была напечатана статья Н. Андреевой «Не могу поступиться принципами», на которую через «Правду» руководством компартии был дан жесткий ответ. Впервые в КПСС внутрипартийная полемика получила *формальное структурирование* через партийную прессу. «Советская Россия» объединила вокруг себя партийных консерваторов, «Правда» старалась быть более официальной и по тем временам более либеральной. И уже через год в мае 1989 г. коммунистами-традиционалистами было создано Всесоюзное общество «Единство – за ленинизм и коммунистические идеалы». Затем появились столь же коммуно-традиционалистские Объединенный фронт трудящихся СССР и движение «Коммунистическая инициатива». В свою очередь, «либеральное» течение в КПСС в январе 1990 г. на Всесоюзной конференции партклубов образовало Демократическую платформу в КПСС. В руководящие органы демплатформы вошли Б. Ельцин, Г. Попов и др. Наконец несмотря на откровенное нежелание М. Горбачева и его сторонников, которые тем не менее вынуждены были пойти на уступки консервативному крылу партии, а также для создания организационного противовеса «демплатформе», в июне 1990 г. была созвана Российская партийная конференция, переросшая в учредительный съезд Коммунистической партии РСФСР, лидером которой стал И. Полозков.

Далее процесс приобрел лавинообразный характер. В 1990 г. Н. Травкин, выйдя из КПСС, создал Демократическую партию России. Другие «демплатформовцы» во главе с В. Лысенко и В. Шостаковским образовали Республиканскую партию России, а третьи – Демократическое движение коммунистов и Демократическую партию коммунистов России во главе с А. Руцким, затем преобразованную в Народную партию «Свободная Россия». В свою очередь А. Вольский и А. Яковлев возглавили Движение демократических реформ.

Аналогичным образом дело обстояло и на коммунистическом фланге. Партии и движения множились и ликвидировались, сливались и возрождались. В феврале 1991 г. на конференции с весьма символическим, особенно с учетом циркулирующих сегодня партийных брендов, названием «За великую, единую Россию» был образован Общероссийский национально-патриотический блок. С небольшими временными интервалами были также созданы Россий-

* Киселев Константин Викторович – заместитель директора по научным вопросам, кандидат философских наук, доцент.

ская коммунистическая рабочая партия, «Трудовая Россия», Социалистическая партия трудящихся, Российской партии коммунистов, Союз коммунистов, ВКПБ, КПСС, Партия труда, Российская коммунистическая партия – КПСС и др. Наконец, в феврале 1993 г. была воссоздана КПРФ.

В описываемый период партийное конструирование часто приобретало хаотический характер. Фактически каждый политик предпочитал создать свою карманную партию и, используя ее как ресурс, лишь затем договариваться с близкими ему по взглядам, конъюнктурно полезными или просто договороспособными коллегами. При этом в данный период становления российской партийной системы *идеологическое позиционирование было необходимым элементом любой политической конструкции*. В этом – принципиальная особенность начального этапа конструирования партийной системы. Другое дело, что различия между партиями одного идеологического направления были часто неразличимыми.

Причины обязательного идеологического позиционирования прежде всего обусловлены соображениями технологического, проектного характера. Дело в том, что избиратели в тот период были исключительно политизированы, а потому конструируемые партии с неизбежностью должны были отвечать на предъявляемые им идеологические вопросы. Партия и движениям необходимо было определиться по отношению к начавшимся реформам, которые коренным образом изменили жизнь в стране, затронув всех и каждого. И в этом отношении точкой позиционирования всех политических сил был коммунизм. Заметим, что, как показала практика, такое позиционирование сохраняло свою актуальность до выборов президента РФ в 1996 г., которые победивший Б. Ельцин провел под знаменами недопущения реставрации коммунизма.

В результате жесткой привязки к идеологии возникающие идеократические партии оказались в ситуации отсутствия возможности маневра в связи с изменением ситуации. В результате в период снижения активности и нарастания массовой имплозии партии, выбравшие путь идеологического позиционирования, оказались технологически слабыми. В большинстве своем они проигрывали выборы и в конце концов сошли с политической арены. Например, на выборах в Государственную Думу в 1993 г. идеократические «Выбор России» и КПРФ набрали соответственно всего 15,51 и 12,4% голосов. Иные партии, заявлявшие о своей идеологической позиции (Блок «Явлинский – Болдырев – Лукин», Демократическая партия России и др.), не преодолели планку в 8%.

Однако, помимо идеократических – либеральных и коммунистических (традиционалистских) партий, в это время уже возникали также исключительно проектные партии. В том числе весьма успешные. Образец успешности проектной партии – ЛДПР, созданная в декабре 1989 г. и имевшая первоначальное название Либе-

рально-демократическая партия Советского Союза. О создании ЛДПР как проекта откровенно писали и первый заместителя председателя КГБ СССР генерал армии Ф. Бобков, и ближайший сподвижник М. Горбачева А. Яковлев¹. Партия была создана для «отбора» либерального, что не получилось, и в большей степени протестного электората, что удалось. Причем об идеологии ЛДПР и ее лидера едва ли можно говорить. Косвенным доказательством уже в то время были идеологические «эволюции» самого В. Жириновского. Широко известно, что первоначально В. Жириновский был членом радикального Демократического союза, политическая позиция которого не только не близка платформе ЛДПР, но и диаметрально ей противоположна. Столь резкая «эволюция» вполне вписывается в гипотезу о проектном стиле политической деятельности либерал-демократов. Свою силу проектная партия продемонстрировала в 1993 г., набрав 22,92% голосов и заняв первое место по общефедеральному округу.

Дальнейшие этапы развития партийной системы и тенденции складывания отношений между проектностью и идеологичностью совпадают с электоральными циклами, границы которых обозначены годами выборов в Государственную Думу: 1995, 1999, 2003 и 2007 гг. Такое совпадение обусловлено не только тем, что партии и выборы – две стороны одной медали, но и в том, что сами выборы рассматриваются современными политиками как время, в которое можно внести принципиальные изменения в конструкцию партийной системы и конфигурацию представительной власти, то есть как время изменений, реализации проектов, в том числе и прежде всего – проектов партийного характера. Выборы – время социального конструирования. В результате, ни одни выборы не прошли без апробации нового (новых) проектов федерального масштаба.

В 1995 г. пробовал свои силы проект «Наш дом – Россия», который по сути был безидеологичным, хотя довольно вяло пытался заявлять о центризме и консервативности. Результат НДР – 10,13% голосов был только третьим. Вперед вышли проектная ЛДПР (11,18%) и идеократическая КПРФ (22,3%). Успех КПРФ был связан с тем, что в тяжелейших социальных условиях того времени и усталости от реформ мобилизованным оказался именно тот электорат, на который и ориентировалась КПРФ. Другими словами, успех коммунистов есть прежде всего «заслуга» реформаторов. Причем, судя по результатам следующего электорального цикла, коммунисты свои возможности исчерпали. Идеологическое позиционирование партии не позволило им расширить свою электоральную базу, и в 1999 г. коммунисты набрали практически столько же, сколько и четыре года назад (24,29%).

1999 г. знаменовался феноменальным успехом новых и старых проектных партий. «Единство» (Медведь) получило 23,32% голосов,

¹ Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2003. С. 574-575.

«Отечество – Вся Россия» 13,33%, а ЛДПР 5,98%. Проектные партии впервые по партийным спискам в совокупности имели большинство голосов (118 из 225). А с учетом «примкнувших» депутатов, избранных по одномандатным округам, их положение оказалось доминирующим. Идеократические партии СПС и «Яблоко» получили, соответственно 8,52 и 5,93%. Причем СПС, хотя и четко обозначал свою идеологическую позицию, но технологически действовал именно как проектная партия: опирался на раскрытые имена электоральных «паровозов», манипулировал слоганами и т.д.

Наконец, в 2003 г. проектные партии «без идеологии» одержали полную победу. «Единая Россия» получила 37,57%, «Родина» (народно-патриотический союз) 9,02%, а представитель старых партийных проектов ЛДПР – 11,45%. Идеократическая КПРФ снизила свой результат почти в два раза – до 12,61%, а правые партии так и не смогли преодолеть заградительный барьер.

Как видно из представленного небольшого обзора, динамика развития партийной системы России в парадигме «идеологичность – проектность» смещалась от использования идеологии в конструировании партий в направлении создания безидеологичных проектов. И тем не менее, до сих пор большинство политиков уверены, что идеология – неотъемлемый элемент партийного «образования», атрибут, без которого создание партии невозможно, хотя история партийной системы России доказывает обратное. Кроме того, постановка вопроса об обязательной идеологичности вызывает сомнения и в практическом, и теоретическом плане.

В теоретическом плане проблема «конца идеологий» была поставлена еще в 50–60-е гг. прошлого века Д. Беллом¹, Р. Ароном² и др. К концу века она стала, что называется, общим местом. А сегодня «смерть идеологий» многими учеными просто постулируется, принимается как данность. Более того, нередко можно встретить высказывания религиозных деятелей, весьма далеких от проблем партийного строительства, которые прямо утверждают, что «смерть идеологий» есть непреложный факт³. Другими словами, теория деидеологизации стала достоянием массового знания. С другой стороны, нельзя отрицать существования и противоположных мнений. Теории реидеологизации, хотя и не были столь популярны, но существовали (О. Лемберг, Я. Барион, Р. Нисбет и др.). Но суть не в аргументах, которые приводятся в рамках научных споров. Суть в

¹ Bell D. The end of ideology. N. Y., 1960.

² Aron R. Le developpement de la societe industrielle et la stratification sociale. P., 1956.

³ Например, епископ города Осло Гуннар Столсетт (Лютеранская церковь Норвегии) прямо утверждает, что век секуляризации и смерть идеологий парадоксальным образом породили новый интерес к духовным ценностям и религиозной идентичности. Европа находится в поиске своей души // <http://www.rusk.ru/st.php?idar=202066>

противоречии, которое присуще мышлению создателей партийных проектов, разделяющих точку зрения на необходимость идеологической составляющей в партийном конструировании. Дело в том, что признание возможности социального конструирования, а оно неизбежно, так как именно этим и занимаются «создатели» партийной системы в России, логически неизбежно ведет к отрицанию универсализма, на который претендует любая идеология в ее классическом понимании (К. Мангейм). Поэтому социальное конструирование и идеология могут быть совместимы только технологически, инструментально, а значит – конъюнктурно, что определяет в итоге выхолащивание сути идеологии.

Таким образом, любая попытка совмещения партийного проекта, который воспринимается как проект, и идеологии неизбежно приводит либо к краху идеологии, либо к разрушению проекта как такового. При этом «разрушение проекта» может проходить путем выхода его из-под контроля «конструкторов». И в этом практическая сложность «наделения» партий идеологиями. Идеологический каркас делает партийное образование «жестким», неповоротливым, лишает мобильности. В конкурентной ситуации идеократические партии имеют больше минусов, чем плюсов. Например, тяготеющее к типу идеократических партий «Яблоко» на выборах в региональные легислатуры 11 марта 2007 г. ничего не могло противопоставить вполне проектной тактике СПС, который отказался от жесткого идеологического каркаса в пользу технологических изысков.

Кроме того, говоря о практике, очевидно, нужно признать следующие три факта.

Во-первых, существует несоответствие названий партий с их реальными принципами. Например, Либерально-демократическая партия России едва ли действительно является либеральной и демократической. Далеко не всегда российские коммунисты поступают как коммунисты, а социалисты как социалисты. Даже правые часто ведут себя как левые, и наоборот. Например, «Родина» позиционировалась и как партия националистическая (на грани радикального национализма), и как социалистическая. В этой связи заметим, что одним из признаков краха традиционных идеологий является появление различного рода промежуточных типов, применяемых для описания партийных позиций: либерально-консервативный, либерально-социалистический, консервативно-либеральный и т.д. Смешение стало нормой уже со второй половины XIX в., с появлением либерального ревизионизма, гарантизма и иных течений, которые модернизировали классический либерализм, «смешав» его с консервативными идеологиями и коммунистическими и социалистическими утопиями.

Во-вторых, одна и та же партия, сохраняя свою структуру, может «путешествовать» от одной идеологии к другой. В этом

смысле пример президентских выборов 2007 г. во Франции весьма показателен. В. Иноземцев достаточно убедительно с помощью буквально нескольких цифр доказывает «социалистичность» Н. Саркози и «коммунистичность» С. Руаяль¹. В результате, по его мнению, во Франции случились парадоксальные победа социализма и поражение социалистов.

В-третьих, идеологические ярлыки очень часто «приклеиваются» к партийным проектам, которые отношения к ним не имеют.

В России партийные проекты власти закономерно дрейфовали от однозначной идеологичности партийной конструкции (ДВР), через признание некоторых идеологических постулатов (НДР) к полной безидеологичности («Единство» и «Единая Россия»). Особенно показателен случай с последней партией власти – «Единой Россией».

Стандартно партия власти позиционировала себя как силу центристскую. Однако чем продолжительнее и бессмысленнее становились дискуссии о партийной идеологии, тем чаще Б. Грызлов и иные лидеры «единороссов» открыто заявляли о том, что партия власти есть партия социального консерватизма, рассматривая, например, Центр социально-консервативной политики как свой мозговой штаб, фактически как филиал партии. В тоже время даже В. Путин считает «единороссов» не совсем консерваторами. В феврале 2007 г. на своей пресс-конференции он объявил, что «Единая Россия» – это все-таки такой более правый и либеральный центр, во всяком случае с точки зрения проведения экономической политики, хотя и там очень много социал-демократических тенденций². Можно вспомнить также внутрипартийные разговоры о двух крылах в партии: либеральном и консервативном, либеральном и социалистическом, социал-демократическом и консервативном. Можно вспомнить биографию одного из лидеров партии А. Исаева, который вообще начинал свой политический путь как анархо-синдикалист.

Получается, что если верить В. Путину и его сторонникам из партии поддержки, то «Единая Россия» окажется и консервативной, и либеральной, и социал-демократической, и даже анархо-синдикалистской. Что же стоит за такой «всеядностью»? Очень простой факт: у партии власти нет никакой идеологии. И не может быть. И не должно. Дело в том, что любое объявление об однозначных идеологических предпочтениях партии приведет к тому, что она попадет в зону критики. По отношению к ней можно будет позиционироваться всем другим партийным образованиям. Сохранение «всеядности», напротив, лишает оппонентов идеологического ору-

¹ Иноземцев В. Выборы во Франции: Социализм победил // Ведомости, 07.05.2007. № 81(1855).

² http://www.kremlin.ru/appears/2007/02/01/1219_type63380type63381type82634_117597.shtml

зия. Именно поэтому большинство партий и не может объявить о своей идеологической принадлежности, не желает внятно формулировать свои программы. В качестве идеократических партий однозначно позиционируются только коммунисты всех оттенков и размеров: от умеренной КПРФ до радикальных большевиков.

Был шанс на идеологическое позиционирование у СПС и «Яблока», которых часто совершенно необоснованно ставили рядом, хотя, если судить, по имеющимся зачаткам идеологии, это совершенно разные партии. «Яблоко», в частности, в гораздо большей степени социал-демократично, нежели либерально. Обе партии можно называть либеральными только в одном смысле, они гораздо ближе к устоявшимся европейским ценностям и партийным стандартам, нежели все остальные российские партии вместе взятые.

Шанс на позитивное либеральное позиционирование у этих партий возник благодаря постепенной публичной реабилитации либерализма и его символики. Заметим, что, с одной стороны, эта реабилитация происходит вследствие «либеральных оговорок» В. Путина, появления аналитики, авторы которой «раскрывают» сущность «Единой России» как либеральной партии, а В. Путина сравнивают с Ф.Д. Рузвельтом, а так и многим другим символическим действиям, которые формируют и мнение элиты, и мнение масс. С другой стороны, реабилитация либерализма происходит в результате «сопротивления» мыслящего класса антизападной риторике и политике, которые стали напоминать времена «железного занавеса» и холодной войны. Однако, судя по региональным выборам осени-зимы 2006 г. и марта 2007 г., «правые» партии сознательно отказались от идеологического позиционирования, сделав серьезную заявку на технологичность и проектность. В частности, СПС на всех выборах, начиная с выборов legislatures Пермского края в декабре 2006 г., шел на выборы под лозунгами повышения пенсий, которые скорее можно отнести к социалистическим и коммунистическим, чем либеральным. Аналогичная ситуация складывалась и на выборах в Областную Думу Свердловской области, где «Яблоко» эксплуатировало главным образом пенсионную и иную «перераспределительную» тематику, традиционную для классических «мангеймовских» утопий.

Однозначно проектный характер имеет «Справедливая Россия», о чем свидетельствуют заигрывания ее лидеров с социалистическими утопиями из разряда технологических приемов игры на левом электоральном фланге и оппонирования КПРФ.

«Справедливая Россия» – образование исключительно конъюнктурное. Идеологии, стратегии, принципиальных интересов за партией не стоит. Вообще Справедливая Россия – один из образцов создания проектной партии, который войдет в политическую историю современной России как «проект по знакомству». Дело в том, что судя по всему к этому проекту имели отношение всего несколь-

ко человек. Суть проекта – обеспечить политическое прикрытие ряду крупных бизнес-структур, близких к С. Миронову, путем продления его собственной политической жизни. Вполне правдоподобно выглядит версия, что С. Миронов просто лично договорился с В. Путиным о своем политическом будущем на ближайший период. В результате и появилась «Справедливая Россия», которая гарантированно сформирует фракцию в 2007 г. и будет пытаться это сделать в 2011 г., если, конечно, не возникнут иные указания от нового президента и новой администрации.

В пользу версии «проекта по знакомству» говорит тот факт, что «Справедливая Россия», очевидно, разрушила проект администрации президента, пестовавшей «Единую Россию» как доминирующую партию в российской партийной системе мексиканского образца. Под «Единую Россию», которая должна была способствовать преодолению элитных расколов и на уровне регионов, и на уровне Федерации, на протяжении нескольких лет тщательно зачищалось политическое пространство. В частности, был введен запрет на региональные партии, на создание блоков, введены контролируемые барьеры для образования новых партий и т.д. Но планы были сорваны появлением мирановцев. Расколы в региональных элитах вновь стали проблемой администрации президента.

Конечно, администрацией президента была допущена принципиальная ошибка в реализации проекта доминирующей партии и объединения элит – распространение принципа пропорциональности на формирование всего состава Государственной Думы и его внедрение в региональные избирательные системы. Пропорциональность и доминирование соответственно в избирательной и партийной системах просто-напросто не совместимы, но эти предупреждения политологов Администрацией были проигнорированы. Единственное, что позитивного смогли извлечь из проекта С. Миронова администрации президента – ликвидация двух партийных проектов, которые уже пытались выйти из под контроля Кремля, – Российской партии пенсионеров В. Гартунга и «Родины» Д. Рогозина.

Кроме того, на федеральном уровне «Справедливая Россия» объединяет часто несочетаемые интересы. Например, социалистическая риторика и явно националистические взгляды ряда членов партии не только не сочетаются, но и противоречат друг другу. Соединение несоединимого происходит и на уровне идей, и на уровне конкретных личностей. В партии можно встретить и социалистов, и националистов, и либералов, и коммунистов, и кого угодно.

Еще более простой проект – «Гражданская сила», созданная А. Рязкиным и М. Барщевским. Партия уже выполняла на региональных выборах и будет выполнять на федеральных роль «партии-киллера», оттягивающей голоса либерального электората от СПС и «Яблока».

Таким образом, на выборах 2007 г. будут представлены следующие проектные партии: «Единая Россия», «Справедливая Россия», «Гражданская сила» и ЛДПР. Фланг идеократических партий представлен КПРФ и «Яблоком». Наконец, либеральный по риторике, но проектный по сути СПС начнет экспериментировать с соотношением проектности и идеологичности.

Итак, идеологическое позиционирование для проектных партий сегодня в большинстве случаев теоретически проблемно и технологически невыгодно, а анализ идеологической составляющей проектных партий имеет смысл рассматривать исключительно в контексте технологической конъюнктуры.